

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА “ВОПРОСЫ ЭТНОНИМИИ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА”

С.А. Арутюнов

Сергей Александрович Арутюнов | <https://orcid.org/0000-0003-0195-3199> | gusaba@iea.ras.ru | чл.- кор. РАН, д. и. н., профессор, главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Амуро-Сахалинский регион, этнонимия, топонимия, айны, нивхи, языковые отношения, хозяйственно-культурные типы

Аннотация

Резюмируя обсуждение вопросов топонимики и антропонимики Амуро-Сахалинского региона, автор подчеркивает, что это часть обширной проблемы формирования исторически известного и современного населения этого отдаленного уголка Евразии и его сложной, запаздывающей по отношению к остальной части континента этнической истории. В статье характеризуется сложная языковая картина Дальнего Востока, которая, отмечает автор, сводится к отношению языков: айнского и нивского как двух изолированных и загадочных языков и тунгусо-маньчжурских, являющихся частью алтайской языковой семьи. Публикуемые в настоящем тематическом блоке статьи – это только начало, очень нужный этап накопления фактического материала.

Проблемы топонимики и антропонимики Дальнего Востока, или – уже – Амуро-Сахалинского региона, – это часть обширной проблемы формирования исторически известного и современного населения этого отдаленного уголка Евразии и его сложной, запаздывающей по отношению к остальной части континента этнической истории. Здесь на сравнительно небольшой территории мы наблюдаем целый ряд лингвистических загадок. В регионе сконцентрированы языки, по-видимому, совершенно разных групп, разного генезиса, не имеющие никакой достоверной связи с другими языковыми семьями. Это языки айнов и нивхов. А севернее расположен другой, такой же проблемный этноязыковой регион с языками, чукчей и коряков (очень близкими друг к другу языками), ительменов и эскалеутов. Общая языковая картина рисуется нам крайне гипотетически следующим образом: по-видимому, нивхи являются наиболее древним, наиболее архаичным и наименее демонстрирующим какие-то исконные связи с другими этносами населением. Нивхи тесно контактировали на Сахалине с айнами, которые заселили, распространяясь к северу, также и Курильские острова, и даже южную оконечность Камчатки. Вопрос о связях этого палеолитического

Статья поступила 18.02.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 24.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Арутюнов С.А. Заключение к специальной теме номера “Вопросы этнонимии Тихоокеанского региона” // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С.95–100. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020063>
EDN: HRCOOC

Arutyunov, S.A. 2022. Zakliuchenie k spetsial'noi teme nomera “Voprosy etnonimii Tikhookeanskogo regiona [Afterword to the Special Theme on “Issues in Ethnonymics in Northeast Asia”]. *Этнографическое обозрение* 2: 95–100. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020063> EDN: HRCOOC

и неолитического населения Японии (его можно называть дзёмонцами по названию комплекса археологических культур дзёмона) с айнами остается открытым, и об айнах мы можем говорить в основном применительно к позднесредневековому населению о-ва Хоккайдо (Арутюнов 1957). Причем Хоккайдо этноисторически не является частью Японского архипелага, этот остров в своей древней истории показывает гораздо больше связей с Амуру-Сахалинским регионом и должен рассматриваться первоначально как его часть. Взаимодействие айнов и нивхов между собой, а также нивхов с эскалеутами мы оставляем пока в стороне, поскольку это особый комплекс вопросов. Можно лишь сослаться на одну раннюю нашу публикацию “Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии” (Арутюнов и др. 1972).

Эти двойные отношения, т.е. отношения нивхов и айнов, послужили в интересующем нас регионе тем субстратом, на который наложился более поздний тунгусо-маньчжурский суперстрат. Таким образом, общая языковая картина Амуру-Сахалинского региона, захватывающая своим краем и Хоккайдо, сводится к отношению языков: двух изолированных и загадочных айнского и нивхского и тунгусо-маньчжурских языков, которые являются частью алтайской языковой семьи (впрочем, вопрос реального существования такой широкой семьи, включающей тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки, до сих пор остается спорным). Параллельно на севере Камчатско-Чукотского региона, или в регионе Крайнего северо-востока Азии, происходило взаимодействие ительменского, эскалеутского и чукотско-корякских языков (на последние наслоились те же самые тунгусо-маньчжурские языки – например, у ламутов, или эвенов). Не вдаваясь далее в эти проблемы, которые по сей день остаются и малоизученными, и в высшей степени гипотетичными, отметим, что наряду с тунгусо-маньчжурскими языками сюда, по-видимому, достаточно давно проникли языки юкагирских племен и их диалекты – крайнее восточное ответвление самодийских языков, относящихся к более широкому угро-финскому или уральскому единству.

Эти языковые отношения, несомненно, должны рассматриваться в увязке с эволюцией и эпохальной сменой различных хозяйственно-культурных типов. Первичным нам рисуется тип комплексных таежных охотников, промышлявших главным образом охотой на cervидов (олений различных видов), иногда (в виде элитарной охоты) также на медведей и постепенно переходивших к оленеводству – именно с оленеводством связана этнонимика значительной части тунгусо-маньчжурских племен и родов. Контактируя с местным населением, таежные охотники все активнее использовали колоссальные речные (проход лососевых) и морские ресурсы (см., напр. Широкогоров 2017). Постепенно приходящее население выработало самобытную культуру с ориентировкой на медведей как на высший уровень сакральных животных, со своеобразной формой медвежьего праздника. Вообще-то в Северной Евразии везде, где водится этот могучий зверь, распространен медвежий праздник, но его форма с воспитанием медвежат в клетках и последующим принесением их в жертву или, точнее, отправлением назад к их родичам – богам или господам-духам тайги, характерна именно для Амуру-Сахалинского региона. Медвежьему празднику посвящена достаточно обширная литература, обобщение которой можно найти прежде всего у Л.Я. Штернберга (Штернберг 1933).

Сказанного достаточно, чтобы понять огромную сложность языковой ситуации рассматриваемого региона, где специалисту, занимающемуся этнонимикой и топонимикой, необходимо ориентироваться в крайне слабо изученных отношениях указанных языков. Представленные в данном тематическом блоке статьи имеют большое научное значение. Но это исследования первого этапа –

накопления фактических материалов. Здесь дан разбор отдельных групп этнонимов и топонимов, общий их каталог, настолько полный, насколько это возможно сегодня. Предстоит еще огромная работа по выяснению языковых взаимоотношений, их отражения в хозяйственно-культурных типах, связей со средой обитания – от таежно-охотничьих до специализированных рыболовных и далее вплоть до приморских ценозов. В приморских ценозах и у айнов, и у нивхов уже намечается переход от рыболовства к промыслу крупных морских млекопитающих – ластоногих и даже китообразных, что нашло свое отражение как в айнских и нивхских гарпунных комплексах, так и в демонстрирующих связь с ними эскалеутских (Арутюнов, Сергеев 1975; Днепровский 1998). Есть и некоторые принципиальные различия в оформлении айнского (*китэ*) и эскалеутского поворотных гарпунов и гарпунов пунукского времени, уже приспособленных к китобойному промыслу. Наряду со спецификой гарпуна *китэ*, надо отметить и острогу с поворотным крюком (этот тип орудия известен только в Амурско-Сахалинском регионе): по-айнски она называется *марек*, или *марик*, по-нивхски и по-нанайски – *маре*, или *мари* (Арутюнов, Щебенков 1992: 131). У какого народа слово изначально было заимствовано другими, совершенно неясно.

Столь же, если не более архаичен регион, расположенный на еще более северных территориях, скажем, на о-ве Врангеля, где археологические находки дают нам свидетельства уничтожения последних мамонтов на Земле. Истребление карликовых мамонтов на о-ве Врангеля произошло всего лишь четыре тысячелетия тому назад людьми, уже владевшими крупными поворотными гарпунами.

К сказанному выше надо добавить еще одно: очень мало известно о национальных меньшинствах Кореи. Считается, что Корея – мононациональная страна. Тем не менее установлено, что на севере КНДР было обнаружено население (имелись ли какие-либо сведения о нем до 1945 г., мне неизвестно, может быть, где-то что-то и писалось, скажем, в японских источниках), которое, являясь по существу корейцами, занимало особое место как отсталое, нуждающееся в помощи и в развитии. Окружающее корейское население называло этих людей *тон окчо* (по-корейски), по-китайски (записанное иероглифами) это наименование читается *дун воцзюй*. *Дун воцзюй* – этноним, известный из старых, ранних китайских источников. По инициативе властей КНДР – с объявленной целью повысить культурный уровень этих людей и уравнивать в реальном, фактическом статусе с остальными гражданами Северной Кореи – *тон окчо* были расселены по деревням с преобладающим собственно корейским населением. Тем самым была осуществлена их искусственная, ускоренная ассимиляция. Это меньшинство существовало, но сейчас, очевидно, ни его самоназвания, ни самосознания, отличного от общекорейского, уже нет.

Япония также позиционировала себя как мононациональную страну, до тех пор пока айнское меньшинство в 80-е годы прошлого столетия не обратилось в Организацию Объединенных наций, после чего разразился скандал. Оказалось, что в Японии существует национальное меньшинство, которое подвергается определенной дискриминации. Закончилось все тем, что существование айнов как малочисленного народа, известного ранее под названием “старые аборигены”, в Японии было признано.

Наибольшее число айнов зафиксировано в начале XIX в. – порядка 30 тыс. человек. В 1997 г. (по информации японских коллег) число лиц айнского происхождения, возможно, было примерно таким же, но сохраняли айнское самосознание 17–18 тыс. человек, из них владели языком только несколько десятков представителей самого старшего поколения¹. Надо сказать, что и у других малых народов этого региона ситуация такая же. Так, нивхский язык не распро-

странен даже среди нивхов, он остается средством общения только для старшего поколения, а молодежь говорит только по-русски.

Такое положение дел надо оговаривать и учитывать, когда речь идет о современной топонимике, поскольку, во-первых, наряду со словами на языках коренного населения в топонимике и этнонимике региона довольно много русских слов. А во-вторых, и в Приамурье, и в Приморье, и на Сахалине имеется и корейская, и китайская, и даже японская топонимика, хотя была проведена довольно большая работа по переделке всех топонимов на русский лад; на туземный лад топонимика переделывалась мало. При этом сохранилось достаточно много топонимов и отчасти этнонимов китайского происхождения.

Японские археологи выпускают специальные периодические издания, посвященные охотской культуре. Охотская культура существовала в раннем Средневековье на северном побережье Хоккайдо и на Сахалине. На этих территориях обнаружено много стоянок, но в Средневековье, по-видимому, в XII в. носители охотской культуры как отдельная этническая общность уже исчезли. Они отличались от айнов по хозяйственно-культурному типу, разводили собак и свиней, чем напоминали исторически известное корейское население, но параллельно, как практически все народы региона, занимались и примитивным земледелием (возделыванием проса), охотой, собирательством и рыболовством. Согласно преданиям, айны видели в них иное население и противопоставляли себя ему, но в конце концов, очевидно, носители охотской культуры среди айнов растворились. У айнов Сахалина существуют легенды о предшествующем им некоем карликовом населении, обитавшем в землянках, которое называлось *тончи* (по-айнски). А на Хоккайдо сохранились аналогичные легенды о маленьких людях *коропок-гуру/коробоккуру* (по-айнски), живших под листьями белокопытника. Легенд и преданий о таком населении – карликах, которые исчезли, ушли под землю – довольно много, они встречаются в Скандинавии, по всей Северной Евразии и даже среди индейцев Северной Америки. В данном случае, очевидно, в преданиях айнов Сахалина и Хоккайдо нашло отражение реально существовавшее население; об этих преданиях издана обширная литература (*Дубои Сёгоро* 1887; *Ториш Рюдзо* 1903; *Арутюнов, Щебенков* 1992; *Прокофьев* 2006).

Но вернемся к теме настоящего блока. Можно предположить, что, некоторые непонятные, трудно расшифровываемые топонимы и этнонимы Приамурско-Сахалинского региона восходят к упомянутому выше исчезнувшему населению, относящемуся не к глубокой древности, а к раннему Средневековью, – населению, отраженному в китайских источниках как *дун воцзюй*, по-корейски *тон окчо*. Возможно, название *тончи* восходит к этому этнониму. Но это догадка, ничем конкретным она аргументирована быть не может. Об этом есть материалы, в частности у Л.Я. Штернберга (*Штернберг* 1929, 1933).

Среди японских этнографов и археологов в конце XIX – начале XX в. велась довольно оживленная дискуссия о населении *коропок-гуру/коробоккуру*. Сегодня подобные обсуждения поутихли, но исследование стоянок охотской культуры продолжается, и публикаций, посвященных охотской культуре, довольно много.

Резюмируя все вышесказанное, я хотел бы подчеркнуть, что языковая и этническая история Амурско-Сахалинского и прилегающих к нему регионов Дальнего Востока чрезвычайно сложна, запутанна, еще довольно слабо (даже очень слабо) изучена – здесь работы непочатый край. И публикуемые в тематическом блоке этого номера “Этнографического обозрения” статьи – это только начало, очень нужный этап накопления фактического материала. Работа, конечно, должна продолжаться, возможно, по мере накопления данных, можно будет сделать важные выводы.

Примечания

¹ По официальным статистическим данным, в Японии в 1999 г. зафиксировано 23 767 айнов, в России в 2012 г. – 109 айнов.

Научная литература

- Арутюнов С.А. Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А., Таксами Ч.М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С.М. Абрамзон, Р.Ф. Итс. М.: Наука, 1972. С. 83–98.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975.
- Арутюнов С.А., Щebenьков В.Г. Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов. М.: Наука, 1992.
- Днепроvский К.А. К вопросу о гарпунном комплексе древних морских зверобоев Чукотки // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 62–67.
- Прокофьев М.М. Японские ученые – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX вв.): библиографические очерки. Кн. 1. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2006.
- Тории Рюдзо. Курильские айны (Тисима айну). Токио, 1903. (на яп. яз.)
- Цубои Сёгоро. Коропокгуру жили на Хоккайдо (Коропокгуру Хоккайдо-ни сумиси нару бэси) // Антропология (Дзинруигаку дзасси). 1887. Т. 2 (12). (на яп. яз.)
- Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Восточная литература, 2017.
- Штернберг Л.Я. Айнская проблема // Сборник МАЭ. 1929. Т. VIII. С. 334–376.
- Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

Research Article

Arutyunov, S.A. Afterword to the Special Theme on “Issues in Ethnonymics in Northeast Asia” [Zakliuchenie k spetsial’noi teme nomera “Voprosy etnonimii Tikhookeanskogo regiona”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 95–100. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020063> EDN: HRCOOC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Arutyunov | <https://orcid.org/0000-0003-0195-3199> | gusaba@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Amur-Sakhalin region, Ainu, Nivkh, ethnonymics, toponymy, language relations, historical-cultural types

Abstract

In the afterword to the special theme on “Issues in Ethnonymics in Northeast Asia”, the author stresses that the topic of ethnonymics is but a part of a larger set of research issues concerning the shaping of populations – both past and present – that have inhabited this faraway corner of Eurasia with its complex ethnic history.

The article discusses the complicated linguistic makeup of the region, focusing on the relationship between the Ainu and the Nivkh languages, as two isolated and enigmatic idioms; and on Tungus-Manchu languages as representatives of the Altaic group of languages. The author hopes that the contributions featured in the special thematic section will be instrumental in advancing studies of this underrepresented research area.

References

- Arutyunov, S.A. 1957. Ob ainskikh komponentakh v formirovani i yaponskoi narodnosti i ee kul'tury [On the Ainu Components in the Formation of Japanese Ethnic Culture]. *Sovetskaiia etnografiia* 2: 3–14.
- Arutyunov, S.A., D.A. Sergeev, and C.M. Taksami. 1972. Etnokul'turnye sviazi korennykh narodov pribrezhnoi Severo-Vostochnoi Azii [Ethnic-Cultural Connections of the Natives of Coastal Northeast Asia]. In *Etnicheskaiia istoriia narodov Azii* [Ethnic History of Peoples of Asia], edited by S.M. Abramzon, R.F. Its, 83–98. Moscow: Nauka.
- Arutyunov, S.A., and D.A. Sergeev. 1975. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ia (Ekvenskii mogil'nik)* [Issues in the Ethnic History of Beringomorie (The Ekven Site)]. Moscow: Nauka.
- Arutyunov, S.A., and V.G. Shchebenkov. 1992. *Drevneishii narod Yaponii: sud'by plemeni ainov* [The Oldest People of Japan: Ainu's Destinies]. Moscow: Nauka.
- Dneprovskii, K.A. 1998. K voprosu o garpunnom komplekse drevnikh morskikh zveroboev Chukotki [On the Issue of Harpoon Complex of the Ancient Sea Hunters of Chukotka]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 62–67.
- Prokofiev, M.M. 2006. *Yaponskie uchenye – issledovateli Yuzhnogo Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov (konets XIX – pervaiia polovina XX vv.): biobibliograficheskie ocherki* [Japanese Scholars of the South Sakhalin and the Kuril Islands (Late 19th–the First Half of the 20th Centuries): Essays in Bibliography]. Vol. 1. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Shternberg, L.Y. 1929. Ainskaia problema [The Ainu Problem]. *Sbornik MAE* VIII: 334–376.
- Shternberg, L.Y. 1933. *Giliaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainy* [The Gilyak, Orochi, Goldy, Negidaltzy, and Ainu]. Khabarovsk: Dal'giz.
- Shirokogorov, S.M. 2017. *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov* [The Social Organization of the Northern Tungus]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Torii, Ryuzo. 1903. *Chishima ainu* [Chishima Ainu]. Tokio. (In Jap.)
- Tsuboi, Shogoro. 1887. Koropokguru Hokkaido-ni sumishi narubeshi [The Koropokguru Settled in Hokkaido]. *Jinruigaku Zasshi* 2 (12). (In Jap.)